

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ГУМАНИТАРНОЕ УЧЕБНО-НАУЧНОЕ ЦЕНТРАЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ПЕЧАТНОГО ДЕЛА

А. С. ЗАГЕСОЦКИЙ

ПОЗИЦИЯ

Избранная публицистика

1985–2008

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2008

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ: ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ

НЕВСКОЕ ВРЕМЯ. 2007. 24 МАЯ

Мог жить только в России

Проблема взаимодействия личности и власти является одной из самых болезненных, трудных для русской интеллигенции. Думается, Дмитрий Лихачев не был в данном плане исключением. Напротив, его жизнь представляет сегодня интереснейший, возможно, уникальный материал для осмысления этой темы.

Теоретически, по Лихачеву, интеллигент должен быть вместе с властью, когда она вершит добрые дела, и решительно противостоять ей, когда творится зло. Но власть — это сила, причем чаще всего беспощадная. Вот почему вопрос о способах, путях противостояния злу на практике, в повседневной жизни, приобретает нередко трагическое звучание.

В России времен Лихачева на протяжении почти всей его жизни малейшее открытое противостояние власти означало превращение в «лагерную пыль». Он уцелел, изобретая и воплощая в повседневность свои формулы противостояния.

По всей видимости, определенная конфликтность взаимоотношений Дмитрия Лихачева с советской властью была заложена уже в самом факте его «классового» происхождения. В восприятии окружающих Д. С. Лихачев был наглядно выраженным «старорежимным» человеком, вышедшим из дореволюционной дворянско-интеллигентской среды и сохранившим верность ее духовно-нравственному кодексу. Как вспоминает филолог С. В. Лавров, через десятилетия владычества «нового человека» Д. С. Лихачев

прошел, «не утратив своего исконного существа, которое сказывалось в мельчайших деталях поведения, в манере разговаривать, во всем тоне личности».

Личность, сформированная старой русской культурой... Одних это в Лихачеве восхищало и привлекало, других же он раздражал и вызывал ненависть, примерно как профессор Преображенский у Швондера в «Собачьем сердце». Малообразованной, малокультурной частью нового начальства, а она составляла подавляющее большинство, Лихачев воспринимался чужеродным, а то и враждебным явлением. По всей видимости, и Дмитрию Лихачеву было непросто полюбить новый режим.

Таким образом, можно сказать, что первый конфликт Д. С. Лихачева с властью был культурно-социальным.

Многие с удовольствием сделали бы из академика антисоветчика. Размышляя о долголетию Дмитрия Сергеевича, Фазиль Искандер предложил однажды свое объяснение: Лихачев поставил себе задачу пережить советскую власть и пережил ее. Разумеется, это была шутка, но шутка, отражавшая некий общественный взгляд. Думается все же, что реальность была намного сложнее.

Бывает ли вообще власть, к которой у думающей личности нет претензий? Что делать человеку? Пытаться повлиять на власть, воевать с ней, сокрушить ее? Либо покинуть родину, окзаться в чужой жизни, под той властью, которая тебя не волнует, потому что она чужая?

Но есть и третий путь, он может быть выражен шекспировской формулой: «Все мерзостно, что вижу я вокруг... Но как тебя покинуть, милый друг!» — под другом здесь можно понимать свою семью, друзей, любимый город и любимую работу, свою страну. Если всем интеллигентам непрерывно воевать с властью и пытаться исправить ее пороки, то кто будет учить детей, лечить стариков, проектировать мосты, прокладывать дороги, заниматься научными исследованиями?..

Недоброжелатели упрекали Лихачева в том, что он не восстал и остался жив. Но смысл жизни для нормальных людей вовсе не обязательно заключается в борьбе с властью и в политической жизни. Есть и другие ценности: радость семьи, удовольствие от

работы, наслаждение познанием, прогулки по любимому городу — все то, что составляет повседневный смысл жизни человека. Видимо, Дмитрий Сергеевич был по натуре в первую очередь создателем. «Он потерял почти десять лучших лет жизни из-за ареста и Соловков, но уже в 1941 году, живя в жуткой коммунальной квартире, в одной комнате с маленькими детьми, с одним краном с холодной водой на кухне, с проституткой за стенкой, защитил кандидатскую диссертацию. А потом — война, блокада, вынужденная — по требованию НКВД — эвакуация в Казань, и уже в 1947 году он защитил докторскую», — рассказывала Людмила Дмитриевна Лихачева. По свидетельству близких, вопроса эмиграции не существовало — ученый мог жить только в России, на голодной, больной, истерзанной, но родной земле.

Даниил Гранин заметил, что судьбу Дмитрия Сергеевича можно изобразить как цепь репрессий: «Одна несправедливость следует за другой. А кроме того, ужасы ленинградской блокады, эвакуации, семейные потери. Несчастья настигали его, но не они определяли его облик».

По мнению писателя, тяжкие испытания не лишили Лихачева благородства, напротив: «За многие годы нашего общения я не помню, чтобы он кого-то поносил, кому-то завидовал, лстыл властям, искал компромиссов, даже во имя “интересов дела”. Когда-то его ожесточенно преследовали ленинградские власти. Ему подожгли квартиру. Его избili в подъезде собственного дома. Он не искал примирения. Между прочим, он об этом не рассказывает ни в воспоминаниях, ни в своих выступлениях. А в рассказах о Соловках, где он сидел в лагере, нет описания личных невзгод. Что он описывает? Интересных людей, с которыми сидел, рассказывает, чем занимался. Грубость и грязь жизни не ожесточали его и, похоже, делали его мягче и отзывчивее».

Ему было что терять. «Бабушка за чаем наговорила лишнего и по тем временам опасно. После ухода гостя папа произнес слова: “Я уже сидел и больше не хочу”. Это произвело на меня сильное впечатление», — вспоминала дочь ученого Л. Д. Лихачева. Такова была объективная реальность повседневного бытия миллионов людей в те времена в Советском Союзе. Сознание не мо-

жет мириться с нечестностью, несправедливостью, подлостью, предательством, глупостью. А хочется жить на родине.

Многим думающим людям приходилось искать свое место между двумя полюсами: на одном из них — самосожжение, на другом — полное приспособленчество. Впрочем, не только в Советском Союзе и не только в те времена...

Не был аскетом

Существуют различные экстравагантные концепции: якобы Лихачев был не функционером «системы» и не ее оппонентом, а как бы «вне ее». Согласиться с ними трудно. Быть вне системы не удастся даже дворникам и истопникам. На практике выход из «системы» всегда означал лишь переход на службу иной системе.

Даже занимаясь древнерусской литературой, Д. С. Лихачев постоянно чувствовал себя в опасности. Лидия Лотман вспоминала: «Постоянная готовность превратить литературную полемику в политические обвинения и обилие “доброхотов”, готовых сфабриковать такое обвинение, угнетали. После конференции, в ходе которой выступал мой брат, в “инстанции” был сделан клеветнический донос. Присутствовавших стали вызывать в партбюро и допрашивать. Под впечатлением подобных эпизодов Д. С., с которым мы встретились в электричке по пути из Зеленогорска в Ленинград, сказал мне однажды: “Чувствуешь себя как в оккупации”».

Таким образом, второй конфликт Д. С. Лихачева с властью — конфликт профессиональный. Невежественная власть мешала работать, мешала жить интеллектуальной жизнью настоящим ученым, поддерживала научную серость, безнравственных людей, пытавшихся добиться успеха ложной политизацией науки, демонстрациями верноподданничества, доносами.

Третий конфликт Д. С. Лихачева с властью сложился в сфере нравственности. Нравственные принципы, которые всегда лежали в основе его деятельности, неизбежно входили в противоречие с окружающей реальностью. Молчать и скрывать свои убеждения становилось все труднее, в особенности от подрастающих младших членов семьи.

«Постепенно мир становился откровенно раздвоенным. В школе рассказывали про Павлика Морозова — дома дед сообщал, что такого персонажа не было в помине. По телевизору показывали фильм о Чапаеве — дед с отвращением передавал воспоминания своего учителя Аничкова о том, как красный герой лично и с особой жестокостью расстреливал пленных офицеров», — пишет внучка академика.

Между тем профессиональные достижения Д. С. Лихачева превращали его в крупную общественную величину. В 1952 году ему была присуждена Государственная премия СССР за работу «История культуры Древней Руси». В 1961 году Дмитрий Сергеевич становится депутатом Ленинградского городского Совета. В 1967 году — Почетным доктором Оксфордского университета (Великобритания). В 1969 году ученому присуждается Государственная премия СССР за «Поэтику древнерусской литературы». В следующем году Лихачева избирают действительным членом Академии наук СССР.

Своим новым положением Дмитрий Сергеевич распорядился своеобразно. Даниил Гранин обратил внимание на то, что интеллигентная скромность быта стала одной из важнейших черт стиля жизни академика:

«Он не был аскетом, любил удобства, комфорт. Но не считал для себя возможным пользоваться этим, особенно в наше время. Скромная городская квартира, в которой он жил, тесная по современным понятиям для ученого мирового класса, была завалена книгами. Он принимал иностранных гостей со всего мира в маленьких комнатухах в Комарове. И это сегодня, когда ажиотаж, азарт стяжательства, тяга к богатству охватили все слои общества. Стиль жизни Лихачева — вызов интеллигента всему обществу приобретателей».

Благородство помыслов и действий

Но был и другой вызов в поведении Лихачева той поры: он широко использовал возможности, открывавшиеся по мере его научного и общественного признания, для помощи тем, кто в этом нуждался. Нам в университете удалось обобщить на сего-

дня свыше 1500 публикаций о Дмитрие Сергеевиче. Подавляющее большинство из них — мемуаристика, воспоминания современников. Сотни и сотни людей рассказывают о том, как Лихачев им помогал. Он приходил на помощь нередко даже совершенно незнакомым ему, посторонним людям. Без малейшей выгоды для себя, чаще всего даже во вред себе. Помогал просто потому, что не мог не помогать. Академик Игорь Кон рассказывал мне, как в одном из провинциальных городков готовилось осуждение одного из жителей за распространение «порнографии», которой правоохранительные органы сочли роман Набокова «Лолита». Судьи со всей очевидностью склонялись к обвинительному приговору. Отчаявшийся их переубедить адвокат обратился за помощью к Лихачеву. Представленное в судебное заседание в последний момент письмо Дмитрия Сергеевича спасло судьбу человека.

Лихачевское благородство было понятно далеко не всем даже в академической среде. Хотя, может быть, следовало бы сказать: в первую очередь в академической среде. Многие из его коллег вели себя совершенно иначе. Науке того времени была присуща исключительная клановость. Если уж кто-то кому-то помогал в трудную минуту — то только своим. Лихачев же шел на помощь и научным оппонентам. Сергей Аверинцев пишет: «В советских условиях всякий, кто желал заниматься легальной академической и просветительской деятельностью, должен был соблюдать осторожность и рассчитывать свои шаги. Но вот границу между необходимой осторожностью и предосудительной оробелостью совесть разных людей проводила весьма по-разному. Были случаи, когда я твердо знал, что единственный представитель академического мира, к которому мне можно обратиться, — это он, больше не к кому».

Видимо, противостояние власти — это искусство возможно. Лихачев искусно сочетал в подобном противостоянии, с одной стороны, взаимно противоречивые черты прагматика и идеалиста, с другой — человека высокоинтеллектуального и творческого одновременно. И ему удалось буквально пройти по грани бытия и небытия. Неслучайно зоркий и внимательный к нюансам

жизни Даниил Гранин как-то заметил, что Дмитрий Сергеевич уцелел потому, что был умен и осторожен.

Подвергая испытаниям Лихачева, судьба проявила удивительную изобретательность. К концу 1980-х годов он стал всемирно признанным ученым, одним из самых титулованных и популярных людей страны и, соответственно, подвергался тем же страстям и соблазнам, что и другие знаменитости. Его искушали особенно энергично. Вербовали себе в сторонники, старались заручиться его поддержкой. Власть хотела использовать его репутацию.

О взаимоотношениях Лихачева и власти в горбачевскую пору существуют разные, порой диаметрально противоположные мнения. Директор Библиотеки Конгресса США Джеймс Х. Биллингтон считает, что фактически Лихачев был домашним учителем семьи Горбачевых, открывавшим перед ними сокровища той культуры, которая предшествовала эпохе советской власти: «Надо отдать должное чете Горбачевых в том, что они ценили Лихачева, а Лихачеву — что он не превратился в очередное “украшение дома” руководителей государства». А Д. Буланин, один из бывших сослуживцев Дмитрия Сергеевича, утверждает, что «те, наверху, сделали его ответственным за все свои злодеяния. Присвоить себе авторитет академика, всю жизнь находившегося в оппозиции к власти, — это (отдадим им должное) гениальный тактический ход. Его использовали на полную катушку». Судья в этом споре — поступки академика. Лихачев тогда исключительно много сделал в защиту природы и культуры. Результаты этой его деятельности общеизвестны. Со второй половины 1980-х годов Лихачеву удалось выпрямиться в полный рост, стать самим собой. Человек демократических убеждений, Дмитрий Сергеевич действительно положил весь свой авторитет на чашу весов в пользу перемен. Позднее ему пришлось испытать горькое разочарование во многом — он видел, какие неисчислимые беды принесло народу крушение Советского Союза.

В июне 1994 года он писал: «Демократия без нравственности — абсурд. Переходный период, который всегда во всех странах несет в себе некоторую хаотичность, требует от людей государствен-

ных высокой и очень чуткой нравственности. Административная мораль — вот чего нам не хватает после семидесяти пяти лет систематического нарушения нравственных норм. А в безнравственном обществе никакие экономические законы не действуют. И все распоряжения гаснут. Распоряжения президента, правительства не выполняются безнравственными людьми».

Нередко бывает так, что благими намерениями оказывается вымощена дорога в ад. Вот и события 1990-х годов в России для многих стали трагедией, сопоставимой по масштабу с революцией 1917 года.

Далеко не все государственные деятели и «прорабы перестройки», инициаторы тех реформ, оставили о себе добрую память в народе. А вот Д. С. Лихачева вспоминают с неизменным уважением. Благородство его помыслов и действий было несомненно. Дмитрий Сергеевич никогда не воспринимался российским обществом как политик. Он не стремился к власти. Влияние Лихачева, по сути, было влиянием именно культурным. Не случайно Д. А. Гранин заметил, что его присутствие мешало идти на сделки со своими слабостями: «Лихачев был бойцом-одиночкой. Борьбу со злом всегда начинал один, не ожидая подкрепления. В его распоряжении не было ни партии, ни движения. Не было и влиятельной должности, вертушек. В его распоряжении была лишь моральная репутация, авторитет. Правда». Таким мы его и запомнили: человеком, который хотел сделать мир лучше.